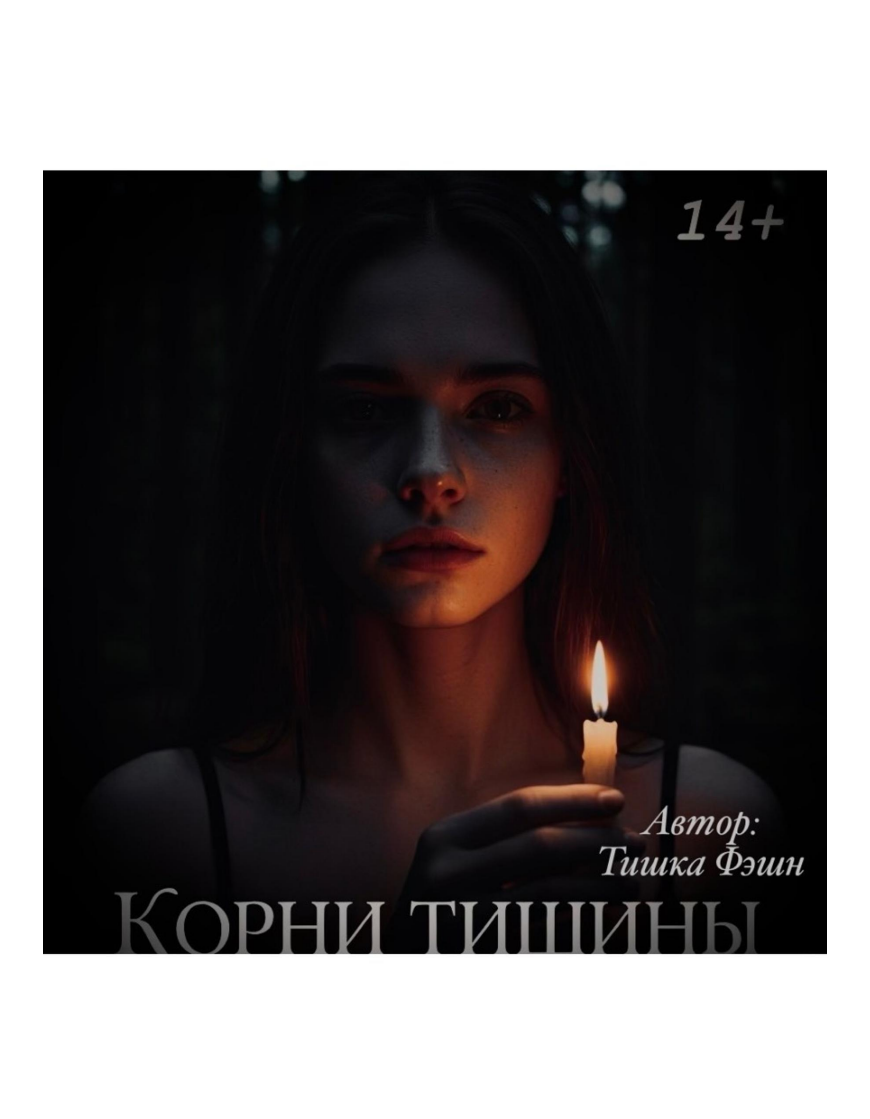

A young woman with dark hair and freckles is shown from the chest up, holding a lit candle in her right hand. The scene is very dark, with the only light source being the candle, which casts a warm, orange glow on her face and hand. The background is dark and out of focus, suggesting an outdoor setting at night.

14+

*Автор:
Тишка Фэшин*

КОРНИ ТИШИНЫ

Тишка Фэшн

«Корни тишины»

<https://litres.ru/74404002>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лес зовёт. Не голосом - тишиной. Не страхом - тоской по дому, которого у неё никогда не было.

Элария чувствует: с ней что-то не так. Звери идут к ней, как к своей. Цветы оживают под её пальцами. Сны реальнее жизни. Но в деревне её считают странной, а мать лишь крепче сжимает губы.

Всё меняется, когда Элария находит письма. Пожелтевшие. Перевязанные чёрной лентой. Они ждали её дольше, чем она жила на свете.

Теперь обратной дороги нет. Лес испытывает. Ночь дышит в затылок. А из темноты за ней уже следят глаза - жёлтые, древние, бессонные.

Когда узнаешь правду о себе, останется только один путь - вперёд. Или вниз.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Тишка Фэшн

«Корни тишины»

Глава 1

ШЁПОТ ЗА КРОМКОЙ

Тишка Фэшн

Мир человеческий всегда казался Элэрии тесным, будто платье, пошитое на кого-то другого. Оно жало в плечах, давило на грудную клетку, мешало дышать полной грудью. С самого раннего детства, сколько она себя помнила, её взгляд всегда упирался в горизонт, где за полями, за колосющейся рожью и полосой тумана, вставала стена леса.

Лес не был просто скоплением деревьев. Для жителей деревни Ольховка он был границей. Той самой чертой, за которую не ступала нога разумного человека без крайней нужды. Там, в глубине, где кроны сплетались в непроницаемый купол, жили тени. Там ветер пел не колыбельные, а заунывные песни, от которых стыла кровь. Там корни деревьев уходили так глубоко, что, по слухам стариков, достигали не воды, а чего-то совсем иного. Чего-то живого и голодного.

Но Элэрию туда тянуло.

Не просто тянуло - звало. Этот зов не был голосом, кото-

рый можно услышать ушами. Он родился где-то внизу живота, в самой сердцевине костей, и расходился по телу теплыми, щекочущими волнами. Он напоминал тоску по дому, которого у неё никогда не было, или по объятиям, которых она никогда не знала. Этот зов пульсировал в такт её сердцу, и чем ближе она подходила к опушке, тем сильнее и слаще становилась эта пульсация.

Ей снились сны. Не те обрывочные, суетливые сны, что приходят после тяжелого дня в поле. Нет. Её сны были реальнее яви. В них она шла босиком по мху, который был мягче самого дорогого пуха. Мхи стелились под ногами, лаская ступни, и каждый шаг отзывался в земле глухим, утробным стуком, словно билось второе сердце. Вокруг неё смыкались стволы, огромные, древние, покрытые серебристым лишайником, и в их коре, если приглядеться, проступали лица. Не злые и не добрые. Просто - древние. Глаза-дупла смотрели на неё с пониманием, и ей казалось, что эти деревья знали её ещё до её рождения.

Она просыпалась в своей узкой кровати, в доме, который скрипел от каждого порыва ветра, и первое, что чувствовала, - острую, как нож, тоску по этому мху, по этой тишине, по этим взглядам. Сердце колотилось где-то в горле, а ладони пахли травой и дождем, хотя за окном трещали январские морозы. Родители списывали всё на «нервы» и «девичьи фантазии». Отец, Марек, грубоватый, но любящий человек, смотрел на неё с тревогой, когда она рассеянно улыба-

лась пустоте. Мать, Ирма, со вздохом подливала ей в чай отвар зверобоя, приговаривая: «Пройдет, дочка. Все пройдет, как летняя гроза».

Но Элэрия знала: это не пройдет. Это только начинается.

Она ощущала это по животным. Сначала это были мелочи: дворовый кот Барсик, дикий и царапучий, который не давался никому, вдруг стал приходить к ней, запрыгивать на колени и мурлыкать так, что дрожали стены. Он смотрел на неё своими желтыми, как янтарь, глазами, и в этом взгляде было нечто большее, чем просьба о еде. Казалось, он понимает её. Казалось, он хочет ей что-то сказать.

Потом началось с лесными зверями. Однажды, когда она собирала ягоды на опушке, на неё вышла лисица. Не тень, не одичавшая собака, а настоящая, с огненно-рыжей шкурой и пышным хвостом. Она не убегала. Она стояла, склонив голову набок, и смотрела на Элэрию с любопытством, словно узнала старую знакомую. Элэрия замерла, боясь вздохнуть. Лиса сделала шаг. Потом еще один. А потом подошла, обнюхала её подол и села рядом, как верный пес. В тот момент мир для Элэрии перевернулся. Она протянула руку, и лиса, вместо того чтобы укусить, ткнулась мокрым носом в её ладонь. Этот нос был холодным, живым, настоящим. В груди у Элэрии что-то оборвалось и полетело вниз, в сладкую, пугающую бездну.

Когда она вернулась домой и рассказала об этом, отец побледнел, а мать перекрестилась. «Не ходи туда, Эла, - стро-

го сказал Марек, впервые повывисив на неё голос. - Там живет нечистый дух. Он водит людей по кругу, морочит головы, пока не заманит в самую чашу, где нет дна. Обещай мне, что не будешь ходить далеко». Элария пообещала. Потому что любила отца. Но обещание это было лживым. В тот же вечер, стоя у окна, она смотрела на далекую темную полосу на горизонте и знала: её не тянут, её уже забирают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.